

Марк сунул руку в глубокий ящик стола из красного дерева и достал оттуда что-то завернутое в тёмно-баклажановую ткань. Он осторожно положил её на стол, разглаживая края. С величайшей осторожностью он начал разворачивать ткань, открывая темный хрустальный шар, в котором клубился серый туман.

Гюнтер был первым кто среагировал. Он вскочил в одно мгновение, мерцание света окружило Генри и Гвен взмахом его руки.

- Мастер Чандлер, Некромантия-это преступление, караемое пожизненным заключением. Предупреждение Гюнтера было окрашено нехарактерной для него злобой, выдававшей его обычный стоицизм.

- Марк, ты с ума сошел? - Сурья сглотнул, его кадык нервно дернулся.

- Зачем тебе шар смерти? И что еще более важно, кого он содержит?

Агнес нервно взглянула на Генри.

Женевская конвенция строго запрещала некромантию после кризиса нежити Первой мировой войны. Любой маг, уличенный в обладании Некромантическими предметами, подвергался суровому наказанию с крайним предубеждением. Минимальное наказание за практику магии Смерти - изгнание, а максимальное - казнь. Даже Гвен знала об опасностях некромантии, потому что одним из первых уроков, в старших классах, была история кризиса нежити, который лишил человечество почти половины его населения, положив начало великому исходу из Центральной Европы и привел к созданию пограничных городов. Теперь перед Гвен стояла настоящая реликвия той эпохи. Шар смерти, артефакт, используемый, чтобы вырвать отдельные души из эфира и поймать их в ловушку для удовольствия и изучения некроманта.

В следующие несколько секунд Гвен увидела, что ее мастер обдумывает варианты. Как Лорд башни, он имел полное право заставить Марка замолчать прямо сейчас. В тот момент, когда Марк вынул шар, это было началом конца. Но Марк также знал, что Генри будет слушать: это было в его характере. Остальные тоже терпеливо ждали решения Генри. Однако в их головах горел вопрос: что Марк надеется сделать с этим шаром?

- Значит, ты не собираешься заставить меня замолчать? - сардонически спросил Марк своим ровным голосом, проверяя Генри.

Генри закрыл глаза, словно в раздумье.

- Ты еще можешь пожалеть об этом, - Марк ухмыльнулся.

- Прежде чем мы начнем, здесь есть те из нас, кто еще не знает правды. Агнес? Может быть, ты просветишь меня на предмет нашего маленького фиаско? Наш собственный послушник

пустоты, как именно ее предшественник справлялся?

- Генри? - осторожно спросила Агнес. Конечно, Генри был их другом, но он все еще оставался мастером башни, высшей властью в стране. Если башня займется ими или же начнет действовать сам Генри, они мало что могут сделать. Кто такая Агнес, как не вышедшая на пенсию Проявитель и мадам в борделе, и Марк, прорицатель, которому не у кого попросить помощь? Они не могли соперничать с Генри. Черт возьми, если дела пойдут плохо, они не смогут противостоять Гюнтеру, который покончит с ними меньше чем за минуту, не оставив после себя никаких следов.

Генри открыл глаза и, к их удивлению, был спокоен: в его глазах не было ни огорчения, ни особой печали.

- Что будет, то будет, - медленно проговорил Генри. - Даже прибегнул к некромантии...

Он повернулся к Марку.

- Возможно, действительно пришло время поднять скелеты из их неглубоких могил. Позволь мне на некоторое время продолжить эту историю в свои руки, Агнес.

Ее мастер повернулся к Гвен.

- Дитя мое, я собираюсь открыть тебе нечто очень ценное для меня. Это не очень приятная история. Счастливых концов не бывает. И поэтому я прошу твоего понимания.

- Конечно, мастер, - вежливо ответила Гвен, наблюдая за морщинами на лице своего мастера.

Они подождали, пока Генри соберется с мыслями.

- Официально в бойне в Нуса-Хедс остался только один выживший. Герой Брисбенского рубежа, Элизабет У. Собел. Позже ее нашла оперативная группа, посланная расследовать инцидент.

- Я возглавлял эту оперативную группу. Группа специалистов по транслокации и я добрались туда к ночи. База была разрушена, и полностью уничтожена. Образовалась полусферическая впадина, теперь заполненная водой. Все исчезло, смыло водой - ни зданий, ни магов, ни номов, ни русалок. Под водой вообще ничего не было. Просто гладкие скальные породы, песок и все, что омывает океан. Еще дальше в море мы нашли мертвого Кракена, большая часть которого тоже пропала, но к тому времени он уже стал жертвой безумного кормления морских обитателей.

- В тот же вечер мы нашли Элизабет, раненую, спрятавшуюся в пещере. Суфина начала лечение, и мы вернулись с ней в город, думая, что нам повезло, что она выжила. Видит Бог, так

оно и было.

- Поскольку я был маршалом, я назначил себя ответственным за расследование. Это было горячее месиво. Пятьсот магов погибли, более четырехсот были кадетами, большинство из влиятельных семей, считавших школу безопасной. Матери и отцы хотели справедливости, и я должен был им что-то ответить. На данном этапе мне оставалось только спросить Лиззи.

- По словам Элизабет, на них напал Кракен, пробивший защиту базы. Она была с Джейн, сестрой Марка, пила чай в столовой, когда это случилось. Все здание сложилось само по себе, похорнив офицеров внутри. Элизабет защищала Джейн, но ей пришлось использовать большую часть своей жизненной силы, чтобы защитить их обоих от падающих бетонных плит.

- Когда они наконец выбрались, битва была в самом разгаре. Кракен разрывал это место на части, проникая сквозь защиту базы, вырывая встроенные глифы из самих зданий. Повсюду царил хаос, русалки убивали учеников, и учителя не могли их удержать. Меня там не было, так что Элизабет не могла использовать свои силы, не лишив себя жизни.

- В конце концов она добралась до хранилища кристаллов, используя свою силу, чтобы проскользнуть через ворота, она наполнила кристаллы пылинками пустоты. Элизабет велела Джейн бежать, но Кракен уже настиг их. Чудовище пронеслось сквозь стены бункера, и Элизабет должна была использовать пустоту или умереть бессмысленной смертью. Не имея другого выбора, она взорвала контейнеры, и последовавший взрыв уничтожил все, что находилось поблизости. Она сделала пустотный щит из последних сил, но не смогла прикрыть Джейн. Когда она проснулась, все исчезло, и она плыла по только что образовавшемуся пляжу, с наступлением прилива.

- Это история, которую мы все слышали, - сообщила Сурья Гвен.

- В то время у меня не было причин сомневаться в ней. Это была та самая Элизабет, которую мы знали много лет, она никогда не лгала нам и не обманывала нас раньше, и мы не понимали, почему мы должны подозревать ее в тот момент.

- Ха! - хмыкнул Марк.

- Итак, вернемся к делу, - продолжил Генри.

- Семьи жертв требовали козла отпущения, кого-то виноватого, поэтому начальство предложило Элизабет. Я был так зол, и взбешен. Какой в этом вообще смысл? Я знал - мы знали, что Элизабет обладает магией пустоты, но они не знали! Они просто использовали ее, чтобы скрыть свой провал в разведке! Затем пошли слухи, довольно правдивые, которые предполагали, что разрушение в бухте совпадает с тем, которое Элизабет и ее группа совершили во время инцидента на Брисбенском рубеже. Люди начали объединяться, и некоторые члены начальства требовали ее крови, говоря, что она каким-то образом ответственна за это. Они хотели что бы я, я! Привлек ее к ответственности. Я чувствовал себя беспомощным, даже как Маршал.

- Нам тогда повезло. Русалки отступили! Они отступили, как ящеры! Была такая вещь, как улучшить момент, поэтому я сделал единственное, что мог. Мы с Елизаветой отправились в британскую Магекратию. Мы показали им, как действует ее сила и на что она способна. Мы даже согласились на ограниченные испытания и эксперименты. Они были впечатлены, чрезвычайно впечатлены, взволнованы потенциальным изменением игры, которое оно представляло. Внезапно все голоса, призывающие ее предстать перед судом, смолкли. Теперь она была бесценным приобретением. Я защищал ее. Трибунал рассмотрел доказательства и признал их в пользу Елизаветы.

- А потом начались неприятности, - объявил Генри, слегка покачав головой.

- Мы понятия не имели, что с Элизабет делает постоянное использование магии пустоты, только то, что мы ходили на многие миссии, одерживая победу за победой, опьяненные нашим успехом.

- Что Марк делал все это время? - с подозрением вмешалась Гвен.

- Я был занят важными исследованиями, - голос Марка дрожал, полный предвкушения.

- Я был здесь и там, но в любом случае был незначителен. Прошу, продолжай...

Генри продолжил:

- Мы с Элизабет поженились через месяц. Мы всегда планировали пожениться после пропагандистского тура, и теперь мы застряли в нем надолго. Агнес была подружкой невесты, а Сурья - моим шафером. Марку стало нехорошо. Это была маленькая частная церемония, очень романтическая. Мы нуждались друг в друге, как в любви, так и в ремесле, другие называли нас динамичным дуэтом.

Гвен почувствовала себя странно, поперхнувшись водой. Дебора успокоила дыхание, похлопав Гвен по спине.

Суфина принесла еще одну чашку меда для Генри, который выпил ее, а затем надолго закрыл глаза, чтобы восстановить силы. В комнате воцарилась тишина, за исключением непрекращающегося топота ног Марка. Через некоторое время Генри открыл глаза и снова заговорил.

- Мы выполняли все поручения Совета, путешествовали по всему миру по приказу этой партии и правительства, служа Ее Величеству и Содружеству, как могли. Когда в середине 70-х годов война затихла, мы подали заявление об условном увольнении. Земли отвоевывались по всему миру, и как Магистр и Магус с большим послужным списком, мы могли оставаться где угодно, лишь бы подальше от городов уровня 1. Мы хотели оказаться подальше от всего этого, поэтому выбрали Эгер, венгерский городок, расположенный в часе полета от Будапешта. Там нас никто не знал, и мы почти не говорили на этом языке, он место было совершенным для нас. Я

купил виноградник за городом, нанял дюжину номов в качестве слуг и превратил себя в мелкую аристократию из Содружества. Элизабет, казалось, любила деревенский воздух, действительно привыкла к нему, на самом деле, ее телосложение всегда было слабым после Брисбена, но казалось ей стала лучше...

* * *

Генри потрогал хрупкие цветы в вазе; некогда яркий букет рассыпался сухими хлопьями серо-коричневой пыли. Он вздохнул, поискал совок и терпеливо смахнул остатки. Он поставил чемодан у открытой кухни и пошел по длинному коридору к спальням. Этот регион когда-то принадлежал давно ушедшей Османской империи, и архитектура виноградника сохранила её влияние. Коридор был перекрестной сетью света и тени, попеременно освещенной ярким солнечным светом и четким силуэтом.

Снаружи Генри мог видеть номов, ухаживающих за виноградом, ряды за рядами кольев, увитых зелеными лозами, тянущимися, насколько хватало глаз, до самого горизонта. В качестве хобби Генри попробовал свои силы в виноделии в течение нескольких месяцев после их приезда. К сожалению, его талант заключался только в том, чтобы находить и выпивать коллекционное, спрятанные в погребе.

Это был кусочек рая, их собственное место. Генри понимал, что это блаженство эфемерно, но передышку была нужна как воздух.

Как долго они сражались со зверьми, пришедшими из Диких Земель? Два десятилетия? Он чувствовал себя так, словно не останавливался с тех пор, как покинул академию. Его ноги остановились перед двойными дверями главной спальни. Глядя на изумрудную панораму за окном, он вспомнил еще одну залитую солнцем степь. Он подумал о Сидни. Где же Агнес? Как там Сурья? Неужели Марк все еще оплакивает свою сестру? Что они там делали? Может быть, они построили собственный дом, чтобы отдохнуть от войны?

Он вошел в просторную спальню со сводчатым двухэтажным потолком. Там стояла двуспальная кровать с четырьмя столбиками, которую он заказал у местного плотника. Генри придвинул поднос и осторожно поставил Завтрак у огромной кровати.

Элизабет спала, зарывшись в груды подушек и мягких белых простыней. Ее лицо было бескровным, голубые вены аристократично выделялись на фоне бледной, безупречной кожи. Номы стали называть ее "графиней", и это рассмешило Генри. Она спала беспечно, своенравная простыня прикрывала ее скандальную фигуру, ее маленькие груди образовывали лишь малейшие намеки на холмики. Генри наслаждался моментом, восхищаясь, ибо здесь, в одной постели, лежал весь его мир.

- Вставай, вставай, Спящая красавица.

Он махнул рукой над подносом. Кофе и сладкие пирожные материализовались из кольца для хранения.

- Я купил Прессокаве и Флодни, - он пробудил ее сознание божественным душистым завтраком.

Элизабет медленно пошевелилась, закручивая простыни и поджимая стройные ноги.

- Доброе...

- Ты хочешь сказать, полдень, - сказал Генри мягко улыбнувшись.

Элизабет потянулась; белые простыни соскользнули с ее тела. Генри нервно оглядел комнату. Эркерные окна были слегка приоткрыты, игривый ветер небрежно шевелил занавески.

- Ты прекрасно выглядишь, - заметил Генри.

- Как ты себя чувствуешь сегодня?

Она просияла, глядя на него своими детски-голубыми глазами, в которых отражался теплый полуденный свет.

- Энергично. Я бы с удовольствием съездила в город позднее.

- Мне присоединиться к тебе?

- Если хочешь... ты уже закончил свою работу?

- Это никогда не кончится, - с горечью ответил Генри.

- Переговоры по башне займут некоторое время.

- Я ненадолго, мне нужно сделать много покупок. Я еще даже не изучила полностью старый рынок. Тогда присоединяйся ко мне позже?

- Конечно.

Они ели десерты, которые он купил. Генри не был их поклонником, но его "Домашний цветок" очень любила сладкое. Она могла за один присест съесть Мадартей, Добосторту и целую порцию Гештенъепюре. Иногда он удивлялся, почему она никогда не толстеет, хотя считал

более разумным избегать этого вопроса, чтобы не навлечь на себя ее гнев.

После завтрака он наблюдал, как Элизабет одевается в шифоновое платье-тюльпан, доходящее ей до колен, дополненное сандалиями и широкополой шляпой-воплощение грации.

- Kívánok... - приветствовали ее слуги. Она попросила шофера подвезти её: от виноградника до рынка двадцать минут езды, а ей не хотелось лететь.

Генри направился в кабинет, просторную переоборудованную спальню, выходящую окнами на юг виноградника, и удобно устроился за работой. Бумажной волокитой и переговорами. Исследование. Договоры. Переписки. Повторение.

Дни превращались в недели, недели - в месяцы. Это было прекрасное время. Работа шла тихо, и Элизабет каждое утро уютно устраивалась на своих белых простынях. Генри любил просыпаться, положив голову ей на колени, привязанный к этой земле, убаюканный всем вокруг. Его единственным желанием было, чтобы это продолжалось вечно, их собственный кусочек рая.

* * *

- Я должен был догадаться, что что-то не так, - сказал Генри глубоко вздохнув.

- Но я был ослеплен невозможным счастьем, которое мы делили.

- Даже когда мертвые растения превратились в мелких животных, птиц и тому подобное, я предпочитаю игнорировать это. Лиззи, конечно, призналась, что всегда так делала. Иногда плача, иногда впадает в депрессию, иногда злится и все отрицая. Это разбило мне сердце. Я должен был что-то сделать, может быть, позвать кого-то ей на помощь, но я не мог нарушить ту жизнь, которая у нас была. Она была так счастлива, всегда спала до полудня, редко выходила из дома, даже тогда, только за покупками и десертами. Я убедил себя, что это именно то, что ей нужно.

И вот однажды один из слуг номов привел свою собаку, сказав, что на нее кто-то напал, опасаясь, что это волшебный зверь, который каким-то образом пробрался сквозь защитные барьеры. В прежние времена это случалось довольно часто; маго-технология была довольно новой. Я понял, что произошло, как только увидел его. Это была большая собака, одна из охотничьих гончих, которых они использовали, чтобы выгонять кроликов и лис, но теперь от неё осталась просто шелуха, кожа да коси. Это выглядело так, как будто его поразила дренажная атака.

- Я спросила его, куда уехала Элизабет, и он ответил, что она уехала в город. У меня было

ужасное предчувствие. Всякий раз, когда у Элизабет случался приступ, она чувствовала себя усталой, разбитой и даже бредила. Она должна быть не в том состоянии отправиться в город после утечки достаточного количества маны пустоты, чтобы осушить собаку такого размера. Я должен был найти ее прежде, чем она покалечится.

- Итак, я злоупотребил одной из привилегий, которыми пользовался как администратор новой башни, и воспользовался телепортом, чтобы добраться до города. Я поспрашивал на рынке. Выследить кого-то вроде Элизабет было не так уж трудно. Сколько бледнокожих девушек в белых платьях может быть на старом Оттоманском рынке? Я последовал за ней по следу крошек от десерта, и, верная своему слову, она оставила после себя целую цепочку впечатляющих пирожных и булочных изделий.

- В конце концов, я выследил ее до Вариос-а-Варос Алатт, города под городом, сети туннелей, используемых старой церковью для хранения вин...

<http://tl.rulate.ru/book/16999/1062910>